

Маркосян Г.В., к.ф.н., доцент
Markosyan G.V., PhD, associate professor
Ереванский государственный лингвистический
университет им. В.Брюсова, Ереван, Армения
Yerevan State Linguistic University “Bryusov”, Yerevan, Armenia
gmarkosian@gmail.com, russiandekan@brusov.am

**ТРАНСФОРМАЦИЯ БИЛИНГВИЗМА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
АРМЯНСКИЙ ОПЫТ**
**TRANSFORMATION OF BILINGUALISM IN POST-SOVIET COUNTRIES: ARMENIAN
EXPERIENCE**

Аннотация: в докладе трансформация языкового распределения в армянском обществе в постсоветский период рассматривается как параметр новой социолингвистической реальности. Доминанту этих процессов автор видит в переходе от тотального двуязычия к социо- и лингвокультурному расслоению общества, полярно представленному, с одной стороны, малочисленными монолингвами, с другой – многочисленными носителями нескольких неродных языков, в числе которых обязательно присутствует и русский.

Abstract: the report considers the transformation of language distribution in Armenian society in the post-Soviet period to be a parameter of the new sociolinguistic reality. The author sees the transition from total bilingualism to socio- and lingvocultural layering of society, diametrically represented, on the one hand, by few monolinguals, on the other hand, by manifold native speakers of several popular languages, including necessarily the Russian language, as the dominant of these processes.

Ключевые слова: социолингвистическая реальность, языковое распределение, билингвизм и многоязычие.

Keywords: Sociolinguistic reality; language distribution, bilingualism and multilingualism.

На рубеже XX-XXI веков мы получили почти эмпирическое подтверждение целостности пространственно-временного измерения мироздания. Расширение реального жизненного пространства человека (“мир без границ” – в частности и в особенности для почти 300-миллионного населения, живущего по “эту” сторону “железного занавеса”) обернулось плотностью во времени, и история стала делаться на наших глазах. Это общее наблюдение любопытно преломляется в динамике социолингвистических приоритетов (в языковой и образовательной политике), в частности, в постсоветской Армении, которая, смею утверждать, во многом воспроизводит аналогичные процессы на всем постсоветском пространстве. Более чем 20-летний период независимости Армении позволяет говорить не только об изменении фактического статуса русского языка, но и сдвигах в армяно-русском билингвизме, изменении, имеющем не только лингвистическую, но и психолингвистическую природу.

“*Большое видится на расстоянии...*” Национальная и, в тесном переплетении с ней, языковая политика советского государства не раз и во многом справедливо подвергались критике. Однако, как это зачастую случается, критика грешила пороками своего объекта – идеологической безапелляционностью и декларативной риторикой. Так в советский период (причем на всем его протяжении) на “центральную” языковую политику целиком и полностью списывали недостаточное владение национальными языками. Идейными же соображениями объясняли пробелы в изучении иностранных языков. Между тем, если перефразировать известное библейское выражение, в этих плевелах были и семена, а именно: целенаправленно формируя как минимум русско-национальный билингвизм, советское, так

называемое “языковое строительство” закладывало прочный фундамент многоязычия и поликультурности (подробнее об этом см.: [Маркосян 2012]), как выяснилось, востребованных не в столь уж далеком будущем. Впрочем, для нас, армян, это многоязычие имело и другие исторические корни: на протяжении веков в силу разных исторических перипетий разбросанные по всему миру армяне – жители, а впоследствии граждане различных государств – наряду с армянским языком, владели и другими языками, в числе которых со 2-ой четверти XIX века не только в количественном, но и прежде всего в культурно-цивилизационном отношении безоговорочно доминирующим стал русский язык. Вдобавок в советский период общественное сознание прочно закрепило за последним, а не за би- или мультилингвизмом, совершенно превратно, в ущерб родному языку трактуемые признаки “элитности”.

По всей видимости, именно это элитно-доминантное положение в начале 90-ых на заре нашей независимости обернулось острыми нападками на русский язык и культуру (вплоть до персоналий): на них было направлено острие борьбы под лозунгами пробуждения национального самосознания. Здесь, как мне кажется, произошел, если брать хотя бы методологический аспект, как минимум, провал в следовании гумбольдтовской логике: весьма важное, на мой взгляд, пояснение ключевого высказывания выдающегося немецкого мыслителя “язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык” – “так как только духовная сила народа является жизненным и самостоятельным явлением, а язык зависит от нее” [Гумбольдт 1960: 71] – по незнанию или по недомыслию осталось “вне кадра”. Причем этот в общих чертах дилетантский дискурс в большей мере муслировался, более того усугублялся или даже разжигался на уровне досуговых разговоров, а иногда и действий обывателей с обеих сторон. Очевидно, что они были равно контрпродуктивны как для успешного становления реальной многофункциональности армянского языка, так и дальнейшего функционирования и изучения русского языка. На деле же ни принятый 17.04.1993 г. Закон РА “О языке»” [Закон...], ни впоследствии деятельность Государственной инспекции по языку ни в коей мере не были направлены против русского или какого-либо другого языка: “Закон о языке” утвердил армянский язык в статусе государственного и официального языка и языка образования, а главной задачей ГИ по языку была и остается реализация государственных программ языковой политики Республики Армения, обеспечивающих “правильное и полноценное использование официального языка Республики Армения – литературного армянского языка во всех сферах общественной жизни” [Правительство...]. О полном отсутствии дискриминационной составляющей в государственной языковой политике РА свидетельствуют и сам текст закона, где признается право национальных меньшинств организовывать общеобразовательное “обучение и воспитание <...> на своем родном языке по государственной программе и при государственном покровительстве с обязательным обучением армянскому языку” [Закон...], и Устав инспекции, которым в числе других функций отдельным пунктом предписывается обеспечение языковых прав национальных меньшинств РА [Устав...]. В данном случае речь идет прежде всего о русском языке, который своим первым языком считали и до определенной степени продолжают считать представители не только русской, но и белорусской, польской, украинской и даже ассирийской общин, хотя решением Национального собрания РА относительно ратификации Хартии региональных языков и языков меньшинств по части 3-ей пункта 1-го в РА ассирийский язык, наряду с греческим, езидским, курдским и, конечно, русским, также признан языком меньшинств [Доклад...], т.е. защищаемым языком. Что же касается реальной политики государства, то все шаги, предпринятые правительством РА как в языковой, так и образовательной сферах были направлены на устойчивое развитие многоязычия и

поликультурности. Достаточно отметить ратификацию 25.01.2002 г. вышеупомянутой Хартии и комплексную интеграцию системы, прежде всего, высшего образования Армении в европейское образовательное пространство, формальное начало которому было положено подписанием Арменией Болонской декларации на Саммите в Бергене в 2005 г. [Higher education...].¹ Многоязычие – в полном соответствии философии Совета Европы, направленной на утверждение принципов гражданского согласия и межкультурного диалога, – и в Армении было признано ключевым инструментом интегративных процессов.

“Назови меня хоть горшком, только в печку не клади...” Однако на практике многоязычие, прочные основы которого – и я продолжаю это утверждать – были заложены уже в советский период, спонтанно стало цвести в Армении пышным цветом намного раньше, чуть ли не с самого начала 90-ых. При этом столь же спонтанно, но абсолютно в логике мировых процессов оно меняло конфигурацию языкового распределения. На авансцену стремительно вырвался английский язык, который к тому времени уже стал языком международного общения на большей части земного шара, и его, обретя реальную возможность этого общения, стала усиленно осваивать “шестая часть земли”, в том числе, естественно, и армяне. Наверное, будь уже в то время “в действии” актуальная ныне формула европейского многоязычия ‘MT+>2’, мы на уровне школьного образования не понесли бы столь значительных потерь в изучении немецкого и французского. С другой стороны, действенные механизмы саморегуляции значительно активизировали вузовский интерес к испанскому, чуть позже итальянскому, а уже в начале XXI века – к китайскому и другим, в советский период значительно реже востребованным языкам.

Однако в вопросе русского языка ситуация складывалась, да и не могла не сложиться несколько иначе. Резко, почти до минимума, сократился контингент обучаемых на русском языке в школах.² Все, помимо специально языковых, программы подготовки специалистов, с 2005 года бакалавров, а затем и магистров стали реализовывать на армянском языке.³ Русский язык в постсоветской Армении, перестав быть языком с аморфной характеристикой “второй родной язык”, продолжал оставаться языком с неисчерпаемым культурно-цивилизационным потенциалом в целом, а для армян, в частности, не просто языком-транслятором этого потенциала, но и частью их собственной истории и ментальности, и... не получил фиксированного статуса. В плане конфигурации языкового распределения именно с начала 90-х происходит резкая дифференциация армянского общества, и наряду с теми, для кого был в общих чертах характерен, как минимум, армянско-русский билингвизм,⁴ начинает подрастать поколение (те, кто пошел в школу в 1990 г.), для которого в чисто образовательном плане русский становится одним, правда, обязательным, из двух изучаемых в школе языков. На это накладывалось резкое сокращение теле- и радиовещания на русском

¹ Естественно, подготовительные работы велись и раньше, в частности, в 2004 г. НС РА ратифицировало Лиссабонское соглашение и признание квалификаций, относящихся к высшему образованию в Регионе Европы (Лиссабон, апрель 1997 года).

² Согласно дополнениям к закону РА “О языке” регуляция этой сферы, в частности, в пункте “реализации международных образовательных программ в общеобразовательной сфере” отошла под действие Закона РА “Об общем образовании”.

³ В советское время, к примеру, на физическом или биологическом факультетах Ереванского государственного университета были группы и с русским языком обучения.

⁴ “В общих чертах” – это, увы, не фигура речи, потому была в Армении и та часть населения, армян по национальности, которые не только по объективным (к примеру, репатриация), но и субъективным (упомянутый выше и, на мой взгляд, завиральный и неприемлемый снобизм) причинам не “обременяли” себя владением и употреблением мажоритарного языка.

языке и маловразумительные дебаты на тему “экспансии” русского языка. Трудно сказать, кто в этот переломный момент нанес больший вред обучению русскому языку – те, кто пытался напрочь вытеснить русский язык из обихода (таких экстремистов было ничтожно мало, и их попытки были заведомо обречены на провал) или те, кто с пеной у рта продолжал отстаивать доминантные позиции русского языка – доминантные не в том культурно-цивилизационном плане, о котором говорилось выше и в котором, по-моему, русский язык и на сегодняшний день сохраняет приоритет, а во всех сферах, и прежде всего, в интересующем нас контексте, – в образовании. Вооружившись лозунгом “русский язык не может быть для нас, армян, иностранным – он наш, родной”, они продолжали преподавать его как ... первый язык (L1), а не в соответствии с методикой, на мой взгляд, в уточненной и более правильной формулировке, не иностранного, а не первого языка (L2,3 ...). Любому специалисту понятно, что это абсолютно разные методики, построенные на принципиально различных психолингвистических основаниях и, если в одном случае (когда L1 преподается как L2) она некорректна и избыточна, то в обратной ситуации (L2 – как L1) неэффективна, более того – контрпродуктивна. Это была поистине “медвежья услуга”, последствия которой стали постепенно и все более масштабно сказываться на всех уровнях образования, и в какой-то момент подготовку, к примеру, по специальности “Русский язык и литература” в вузах Армении пришлось начинать с практически “безъязыким” (в данном контексте я имею в виду, конечно, русский язык) контингентом: да, они в основной своей массе успешно сдавали вступительные (или сейчас сдают единые) письменные экзамены, но о языковых компетенциях в особенности по активным видам речевой деятельности (говорение и письмо), на начальном этапе даже специального университетского обучения можно только мечтать. Привело ли это к утрате столь ценного, достойного самого бережного отношения и культивации билингвизма армян? К сожалению, частично – да. На смену тотальному (хоть и разноуровневому) билингвизму советского периода в постсоветской Армении пришла новая социолингвистическая конфигурация языкового распределения, специфицированная в соответствии с возрастом и образовательным цензом, когда в языковом сообществе “уживаются” моноязычие и много-, а не двуязычие.

“Все флаги в гости будут к нам...” Наверное, я не могла бы позволить себе такого смелого заявления, если бы в Армении не было Ереванского государственного лингвистического университета, визитной карточкой которого вот уже более 75-ти лет является преподавание языков (а начиналось все с русского языка) и на “языковом древе” которого в последние годы постоянно, хоть и в различных вариациях, мирно сосуществуют более 25-ти преподаваемых языков. Можно поспорить, как соотносятся в ЕГЛУ языковое и собственно лингвистическое образование (в частности, этот вопрос обсуждается в [Markosyan 2012]), однако неоспоримо, что красноречив сам факт востребованного присутствия в высшем образовании Армении подобного университета, не говоря уже о том, что он может стать и постепенно становится платформой многоязычия и для некоторых других стран.

Очевидно, что не последнюю роль в достижении этой перспективы играют программы подготовки специалистов, реализуемые в том числе и на русском языке как на 1-ой (бакалавриат), так и 2-ой (магистратура) ступенях образования. Помимо программы подготовки по специальности 032400 “Русский язык и литература”, которая в утвержденном Правительством РА списке специальностей высших учебных заведений⁵ автономна от специальности 032300 “Иностранный язык и литература” и реализуется на обеих ступенях, это еще и программы по специальностям: 032100 “Лингвистика”, 031200 “Лингвистика и межкультурная коммуникация” (специализация “Страноведение”) и 032300 “Переводческое

⁵ Последнее по времени решение Правительства по этому вопросу датируется 29.11.12 г. [Перечень...]

дело” (русский, английский, армянский языки) в бакалавриате, а также 031200 “Лингвистика и межкультурная коммуникация” (специализация “Лингвокультурология”) и 032300 “Переводческое дело” (русский, английский, армянский языки) в магистратуре [Факультет...]. Реализацию последней программы можно считать приметой времени, хотя, конечно, далеко не только факт ее наличия позволяет говорить о переходе от двуязычия как минимум к трехязычию: она лишь дополнительное свидетельство того, что русский язык в Армении продолжает быть залогом образовательного роста, профессиональной привлекательности и успешной карьеры (поэтому он входит как обязательная учебная дисциплина не только в школьные, но и практически все⁶ университетские программы), но в дополнение к нему обязательно должен быть, как минимум, еще один язык. Думаю, что английский язык, если сегодня еще и не стал, то в ближайшей перспективе станет еще одним обязательным языком. А вариативная часть призвана демонстрировать максимальный разброс, и в ней должно быть представлено как можно больше “флагов”.

Итак, для лиц, преодолевших барьер высшего образования гарантией хотя бы минимального многоязычия становятся вузовские программы подготовки, которые нередко дополняются участием в различных международных формальных и не формальных образовательных программах, в том числе в формате академической мобильности. К сожалению, этого нельзя сказать о представителях той же возрастной группы, не вовлеченных в систему высшего образования; их языковой портрет – предмет отдельного социолингвистического исследования, и в этой статье мы на нем останавливаться не будем.

В возрастном же отношении, с тем или иным незначительным сдвигом, можно выделить, как минимум, три группы:

- те, которым сейчас за 50-55 и билингвизм, а, возможно, и многоязычие которых, сформировавшиеся в советский период, подверглись незначительным изменениям – не столько количественным, сколько конфигурационным, в зависимости от активности использования того или иного языка, преимущественно в профессиональной жизни; языком повседневного общения все больше становился и становится армянский язык, если, конечно, он присутствует в личностном/семейном репертуаре языков;
- те, кто перешагнул 30-летний рубеж, но не достиг 55-ти лет и в языковом репертуаре которых, формировавшемся по принципу целеполагания, присутствовал русский язык, иногда как единственный неродной.
- “Детьми независимости” в языковом отношении можно считать тех, чей школьный возраст, как уже было замечено, пришелся на начало 90-х и кому сейчас под 30-ть.

Именно в этой возрастной группе сейчас, когда мы вступили в третье десятилетие суверенной государственности, можно констатировать утрату билингвизма для незначительной части населения (исковерканные русские, а нередко английские вкрапления в армянскую речь “владением” этими языками считать нельзя ни в коей мере), с одной стороны, и активизацию многоязычия, а не билингвизма, для подавляющего большинства, вовлеченного в сферу профессионального, особенно высшего профессионального образования – с другой, причем и здесь активность того или иного языка и конфигурация индивидуальных языковых компетенций во многом определяется сферой деятельности.

Заключение. Армянско-русский билингвизм советского периода в постсоветской Армении трансформировался в многоязычие, общую конфигурацию которого можно определить следующим имплицативным суждением: если сегодня носитель армянского языка как

⁶ Наверное, единственным исключением в этом плане стало решение руководства Армянского государственного педагогического университета им.Х.Абовяна в учебных программах по подготовке специалистов в 2012-2013 уч.г. включить русский язык в список выбираемых иностранных языков.

родного в Армении владеет каким-либо вторым языком, то это, как минимум, два языка, одним из которых является русский, вторым в подавляющем большинстве оказывается английский, хотя возможны варианты и других европейских и не только европейских языков. Распределение языков продолжает регулироваться полученным языковым образованием и особенностями профессиональной деятельности.

Список литературы:

1. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях: Ч. I. – М., 1960. – С. 68-86.
2. 3-ий Доклад Республики Армения согласно статьи 15-ой пункта 1-го Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств. Ереван, 2012. – [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.e-gov.am/u_files/file/kron/khartiya.pdf.
3. Закон Республики Армения “О языке”. – [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1793&lang=rus>.
4. Маркосян Г.В. Многоязычие *ergo* языковое образование как фактор языковой политики // Русский язык – гарант диалога культур, научного сотрудничества межличностного и межнационального общения в XXI веке: Материалы III Международной конференции преподавателей русского языка Армении, России и других стран СНГ. – Ереван, 2012. – С. 461 - 470.
5. Перечень специальностей и вступительных экзаменов на очное обучение в высшие учебные заведения Республики Армения на 2012 - 2013 учебный год (на арм. яз.). – [Электрон. ресурс]. Режим доступа: [http://edu.am/DownloadFile/5894arm-kar1516.1_\(2\).pdf](http://edu.am/DownloadFile/5894arm-kar1516.1_(2).pdf)
6. Правительство Республики Армения. – [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.am/ru/structure/9/>
7. Устав Государственной инспекции по языку Министерства образования и науки Республики Армения (на арм. яз). – [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.edu.am/DownloadFile/4935arm-kanonLPT.pdf>.
8. Факультет русского языка, литературы и иностранных языков //Деятельность. – [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.brusov.am/ru/structure/faculties/rus-foreign/activity2>.
9. Higher education in Armenia. – [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://studyinarmenia.org/bologna-process/the-bologna-process>
10. Markosyan G. Language and Linguistic Education: Versus or Along? // International Symposium on Language and Communication: Research trends and challenges (ISLC). 10th-13th June 2012. Proceedings book, 2012. - P. 1807 - 1813.